
Иностранные языки в музеях

О проведении музейных осмотров на иностранных языках

Александр Федорович Котс

Новаторский для большинства музейцев и преподавателей вопрос о привлечении музейцев к делу обучения учащихся иностранным языкам — является высоко значимым, показывая лишний раз громадное различие в оценке роли и значения музейцев за границей и у нас.

Невольно вспоминается, как много лет тому назад (1913 г.), во время моего вторичного пребывания в Лондоне и изучения Британского музея, персоналом этого Музея оживленно обсуждалась новая для той поры проблема о введении штата лекторов- экскурсоводов для обслуживания посетителей Музея.

Это введение устного руководства для массовых музейных зрителей казалось в такой степени новаторским нововведением, что явилось поводом для специального рисунка, помещенного тогда же в ходовом иллюстрированном журнале (*Illustr. Londoner News*), изображавшего столь заурядную, давно знакомую для нас, советских музейцев, картину — группу посетителей Музея с гидом-лектором, дающим объяснения экспонатов.

«Необычность» этой сцены дала повод для редакции журнала пояснить рисунок ироническим вопросом, не сведутся ли такие амбулантные беседы — лекции лишь к «перипатетическому» обучению иностранцев практике английского языка?

Не бывши за границей с того времени, я не могу судить, насколько утвердился там этот обычный в практике наших музейцев институт экскурсоводов.

И тем значимее, что та роль музейцев, о которой только иронически высказывалась лондонская пресса, именно использование их, как способов практического изучения иностранных языков — серьезно ставится и частью позитивно разрешается в нашей музейной практике.

Задача нижеследующих строк — дать краткий абрис методов и достижений **Дарвиновского Музея** по вопросу о введении иностранных языков при проведении экскурсий с массовым организованным зрителем и, в частности, с учащимися средней школы. Опираясь на 20-ти летний опыт в этом деле и располагая целым рядом отзывов самих участников этих экскурсий, наш музей считает далеко не бесполезным процитировать в дальнейшем образцы таких высказываний, памятуя, что без приведения аутентичных отзывов самих музейных «потребителей» — суждения Музея и его работников рискуют оказаться в положении формальных голословных деклараций.

При учетывании эффективности введения иностранных языков при проведении музейного осмотра, следует, конечно, прежде всего, различать состав обслуживаемых групп, поскольку результат работы экскурсовода будет целиком зависеть от того, насколько посетители Музея владеют иностранным языком: одно дело — обслуживание иностранцев (например, ученых, грантов и рабочих, эпизодически наезжающих в Москву), другое — при обслуживании учащихся немецких школ (Москвы, немцев Поволжья, Киева, Одессы, Закавказья) и совсем другое — учащихся массовых советских школ с их преподаванием на русском языке.

Но каждому из этих трех различных категорий посетителей наш Дарвиновский Музей располагает аутопсихическими данными, проверенными двадцатилетней практикой.

1. **Обслуживание иностранцев** — нас интересует здесь только лишь попутно, поскольку оставляемые ими отзывы свидетельствуют о **качестве** обслуживания, ибо допуская даже некоторое «завышение» оценок гостями иностранцами «хозяев» данного Музея, все же следует признать, что оставляемые в «музейной книге» отзывы обычно превосходят выражения одной «учтивости», как то показывают следующие примеры:

Группа иностранцев-коммунистов. Объяснения давались директором Музея, проф. Котс на немецком, французском и английском языках. (1/X-1930 г.) . «Les plus vifs remerciements d'une députation française, italienne, espagnole, beige pour la visite ci intéressante du Musée qui nous donne une idée précieuse de l'évolution de l'humanité...»

Агроном из Китая (объяснения давались на англ. яз.) (16/II-1931 г.). «I am greatly indebted for your kindness in showing me the Theorie of Evolution in practical and very easy inderstandable illustrations. This is the contribution of Revolution to masses, as you said.» «I hope some times in future in China there will be a Museum which is constructed for such purpose. And I, personally, will work more eagerly and energetically to hasten the come of Revolution in the East». Chan Wen Li.

Группа иностранных рабочих (Объяснения давались по-немецки — 2/IV-1931 г.). «Unser heutiger Besuch des **Darwinmuseums** machte auf alle Unterzeichnete einen tiefen Eindruck.» «Ein grosser Forscher schuf hier mit Unterstützung der Sowjetmacht ein Museum, welches dem Wissen und den Hoffnungsdrang vieler hunderttausenden Menschen Ziel und Hoffnung gibt.» «Dem Herrn Professor, Genossen Kohts, für seine Führung und Aufklärung den besten Dank!» 13 Unterschriften.

Коммунистич. Университет Нацменьшинств Запада (27/IV-30г.)

Объяснения велись на английском и немецком языках.

Датская группа. : «После посещения Дарвиновского Музея я позволяю себе от имени Датской группы высказать нашу глубокую благодарность за глубокие научные познания, которые дало нам это посещение». (Перевод с датского яз.)

Финская группа. : «Посещение Дарвиновского Музея было для нас самым ярким и глубоким переживанием». (Перевод с финск. яз.)

Шведская группа. : «Наше посещение этого Музея совершенно убедило нас в правильности эволюционной теории и поэтому наше глубокое уважение и восхищение перед создателем его.» (Перевод с шведского яз.)

Норвежская группа. : «С большим восхищением мы посетили Дарвиновский Музей и мы с восторгом отмечаем работу проф. Котс, которая заложена здесь во всем.» (Перев. с норвеж. яз.)

Дом Политэмигрантов. (11/VI-1934 г.) 20 Genossen aus dem Politemigrantenhaus Moskau haben heute mit grösster Begeisterung das einzigartige Darwinmuseum besichtigt und seine Schätze von dessen Schöpfer Genossen Prof. Kohts erklärt bekommen. Wir alle haben die hohe theoretische Bedeutung des Institutes verstanden und wollen alles uns Mögliche dafür tun, dass auch andere Ausländer hier Belehrung finden und vor allem, dass auch in unseren noch bürgerlichen Ländern die naturwissenschaftliche Aufklärung im Sinne von Darwin und Marx sich Bahn bricht. 5 Unterschriften

Клуб Иностранных рабочих. (29/XI-1934г.) «Wie immer alle begeistert von der herrlichen Schönheit und Klarheit der unvergleichlichen Darwin-Ausstellung. Mit herzlichem Dank für ihren genialen Begründer und Leiter, Herrn Professor Kohts, dem wir baldige Genesung wünschen.» Dr. Lothar Wolf.

Переходя к разбору методов работы и реальной эффективности ее с учащимися советских школ и институтов, нужно прежде всего выделить и рассмотреть отдельно:

Школы с преподаванием на немецком языке.

Сюда относятся кроме московской школы имени Энгельса немецкие школы и институты в области Поволжья, Закавказья, Киева, Одессы и др.

Многочисленные работы со школами этого типа в сущности лишь подтвердили сказанное выше в отношении иностранных посетителей.

Обычно группы уходили из Музея более, чем удовлетворенные, и самая работа не застуживала бы упоминания, если бы не один факт, повторно обращавший на себя внимание: именно некоторое затруднение восприятия такой аудиторией более сложных оборотов речи. Эта относительная «бедность» словаря не только специально научного, но даже разговорного, невольно заставляла лектора вести беседу более упрощенно, чем при ведении ее на русском языке.

И тем не менее работа с группами «советских немцев» протекала в общем более, чем успешно, как о том свидетельствуют отзывы и самих участников:

Одесский институт Социалистическ. Воспитания(1931г.)

Die besten Erinnerungen wahren wir nach dem Besuche des Darwinschen Museums, das sich gross artig eignet die Evolutionstheorie den breiten Volksmassen nahe zu bringen.

Studenten des deutschen Sektors des Odessk. Instituts für Sozialistische Erziehung.

Mein Besuch d. Darwinschen Instituts am 4.Febr.1931 unter der Leitung von Prof. Kohts, hat mein Kenntnisbild über die Evolutionstheorie um Vieles bereichert.

Stud.morgenerdt.

Ein inhaltsreicher Vortrag, der unser theoretisches Wissen vertieft.

Studenten und Lehrer der deutschen Abt. d. Saratover Arbeiterfakultät.

Немецкий педагогическ. Институт, г. Энгельс (Немц.Поволж.)

Die Gruppe Studenten Absolventen des Deutschen Pädagogischen Institute zu Engels spricht Ihnen, Professor Kohts, den besten Dank aus für den freundschaftlichen Empfang und die begeisterungsvolle Erklärung.

Die reichen Eindrücke die wir vom Besuch des Darwinmuseums bekamen, werden uns bestimmt in der praktischen Arbeit sehr nützlich sein. Die ganze Arbeit des Professors Kohts ist von Enthusiasmus durchdrungen.

Wir wünschen Ihnen noch lange Jahre bester Gesundheit u. erfolgreicher Arbeit im Interesse der sozialistischen Heimat.

Auf Ihre Beglückwünscheung zu unserer zukünftigen pädagogischen Arbeit geben wir Ihnen das Versprechen Ihre Erfahrung in Erziehung und Arbeit zu übernehmen und mit Ihren jugendlichen Begeisterung zu arbeiten.

Im Namen der Exkursanten: Theodor Ruhl.

Немецкая Средняя Школа в Киеве (3/1-1935)

«Die Kiever Lektoren und Studenten der deutschen Kiever mittelschule sprechen Ihnen den grössten Dank aus.»

«Solch eine Begeisterung, wie wir von dieser Lektion bekommen, hatten wir noch nicht. Wir wünschen Ihnen auch im Weiteren mit solch einem Enthusiasmus die Exkursanten zu begegnen und noch lange weiter für den sozialistischen Aufbau zu kämpfen.»

Mit Gruss (Unterschriften)

Группа учащихся 10-х Классов из Крыма (20/VII-37 г.)

Die Gruppe der Absolventen der Mittelschule der Krim haben heute viel bekommen, das zur Erkenntnis der Natur dienstlich ist. Sie hofft auch einen Teil des Enthusiasmus des Pr-rs mitgenommen zu haben. Besten Dank!

(Unterschriften)

Совсем иное следует сказать о рядовых, обыкновенных школьных группах, преимущественно 10-х классов, регулярно посещающих Музей при проработке Курса «Эволюционного Учения и Дарвинизма».

При обслуживании этих групп¹ — лишь исчезающее меньшинство учащихся могло бы с пользой для себя прослушать объяснения, даваемые сжато, на иностранном языке и то по преимуществу (вернее исключительно) — лишь дети иностранцев по происхождению, либо дети, специально занимающиеся языками и имеющие возможность слышать иностранные языки не только в школе, но и дома.

¹ Причем из одной четверти миллиона посетителей, лично обслуженных самим директором Музея за последнее двадцатилетие — этих учащихся было не менее 50.000...

Именно на долю этих, находящихся в особенных условиях, ребят приходится ряд отзывов на иностранных языках, оставленных в Музее и свидетельствующих о **совершенном** знании иностранной разговорной речи.

24 Школа Боно — 30 чел. (23/IX-35 г.)

«Herzlichen Dank, das beste Vergnügen würde für uns ein zweimaliger Besuch des Museums sein.»

«We express our gratitude for a lecture which will always remain in our memory.»

39 Школа — 9 класс — 28 чел. (13/II-1937 г.)

«Dear Professor! It is very hard to thank with mere words. I have never heard so wonderful a lecture. My friends, who were here, all agree with me. We all thank you, and wish you many many years of work..»

236 Школа Доно — 9 класс (29/I-37 г.)

«Das Museum hat uns sehr gut gefallen, aber noch mehr hat uns eure Lection gefallen. Wir wollen unbedingt noch einmal kommen.»

«We thank you very much for the lecture.»

В полное отличие от предыдущих единичных случаев — громаднейшее большинство попыток — выразить полученные о Музее впечатления на иностранном языке — свидетельствует о весьма несовершенном знании последнего.

181 Школа Ком.Оно (23/II-37 г.)

«So viel ich es deutsch ausdrücken kann, bringe ich vom Nahmen der Schüler der 9 Klasse der 181 Schule die grösste Dankbarkeit dem Professor Kotz für seine inhaltsreiche und interessante Lection.»

Unterschrift

«Ich bin der deutschen Sprache nicht sehr mächtig, doch will Paar Worten schreiben. Ich möchte etwas nur schreiben, um dem Herr Professor meinen grossen Vergnügen von seiner Lection zeigen, aber ich kann keine gute Wörter finden. Ich sage nur, dass ich meinen grossen Dank ihm bringen will.»

Unterschrift.

И как ни трогательны, и ни симпатичны эти слабые и неумелые попытки — можно с полной уверенностью утверждать, что в отношении таких ребят — ведение экскурсии в Музее Дарвина на одном лишь иностранном языке — было бы не оправдано, при том по следующим причинам:

- a. малое знание детьми простого разговорного иностранного языка;
- b. незнание простейших и элементарнейших научных терминов и выражений (например: Variabilität, Selection и многие другие), которых дети тщетно стали бы искать даже в обширных словарях, типа Александрова, не говоря уже о кратких «школьных» словарях;
- c. весьма несовершенное знакомство с самыми обыкновенными животными, т.е. простейшим вещным материалом Дарвиновского Музея, с вещным составом экспозиции. Так, Снегиря обыкновенно принимают за «Малиновку», Пантеру часто называют «Тигром», Глухаря «фазаном» и «Орлом».

Уместно усомниться, чтобы при таких условиях полезно было бы знакомить большинство учащихся с немецкими или английскими названиями животных, когда даже русские названия им совершенно неизвестны.

Таковы причины, делающие **сплошное** объяснение проблемы Эволюции на иностранном языке для большинства детей заведомо неэффективным.

Но с тем большим основанием в течение ряда лет наш **Дарвиновский Музей** пытался методически использовать экскурсии учащихся для стимулирования у них влечения к изучению иностранных языков, но не ве-

днем всего осмотра сплошь на иностранном языке, но применением его **частично**, в форме приведения подлинных цитат из сочинений иностранных классиков-ученых, выдающихся биологов, на языке, родном для каждого из них.

Так, говоря о Дарвине, полезно процитировать ряд мест из его писем, в частности общеизвестное суждение молодого Дарвина о пользе экономить каждый час своего времени.

Рассказывая о **Ламарке** — этом в свое время позабытом и непризнанном предшественнике Дарвина, полезно привести слова, приписываемые его дочери Корнелии и закрепленные на его памятнике в Париже:

Беседа о **Гете**, как натуралисте и натурфилософе, уместно процитировать ряд мест из «Фауста»:

или из «**Метаморфозы Растений**»:

Из «**Метаморфозы животных**»

«Zweck sein selbst ist jegliches Tier»

«Also bestimmt die Gestalt die Lebensweise des Tieres, Und die Weise zu leben, sie wirkt auf alle Gestalten Mächtig zurück.»

Основной задачей этих небольших экскурсов в биографии ученых и историю наук является стремление — внушить учащимся сознание необходимости фактического овладения языками, как орудием действительного приобщения к сокровищнице мировой культуры, к подлинному пониманию международных мировых гениев.

Весьма действительно воспринимается учащимися (приводимый основателем Музея и его теперешним директором) рассказ о том, как в его первую научную поездку в Лондон при знакомстве с заместителем директора Британского Музея (в 1905 г.), ученый этот на оправдание своего гостя в неумении бегло выражаться по-английски — приостановил его словами:

<blockquote>

Do not mention! Russian speak all languages!

(Не беспокойтесь! русские говорят на всех языках!)

</blockquote>

Именно этот лозунг «Русские должны знать все основные иностранные языки!» нередко оставляет большое впечатление, и школьные экскурсии по окончании музейного осмотра нередко еще раз закрепляют его в своих письменных отзывах, оставленных в музейной книге, как то явствует из следующих примеров:

181 Школа Комоно (23/II-37 г.)

«These excursion is very beautiful. The Professor made the excursion very interesting.»

«We want to know foreign language, because the foreigners must say: „Russian know all languages“.»

Signature.

233 Школа Доно (10/IV-37 г.)

«Sincerely touched from your thoughtful, philosophical lecture. Shall try to remember your last words, that: „All Russians know all languages“, and to show this in life.»

«With best wishes for long, long years.»

Signature.

Столь же эффективно западают в памяти и сознанию учащихся рассказы о знакомстве и о персональных встречах пишущего эти отроки с рядом выдающихся ученых-дарвинистов Зап. Европы — Вейсманном, Геккелем и многими другими — встречах, мало плодотворных без свободного общения с иностранными

учеными на их родном языке. При всей отрывочности этих эпизодов — приведение их (при изучении соответствующих разделов экспозиции) весьма полезно, помогая связывать отдельные учения и положения науки с именами не одних отечественных, но и зарубежных авторов.

Так, в частности, с «немецким Дарвиным» — ученым мирового ранга, профессором Эрнстом **Гэккелем**, закрепившим в свое время (1913 г.) свое отношение к Музею следующим автографом:

«Dem Museum Darwinianum in Moskau mit besten Wünschen für fruchtbare Tätigkeit in der Erkenntnis der Wahrheit und Lehre der Wissenschaft»

Само собою разумеется, что этими короткими экскурсами в историю науки, или биографии ученых не исчерпывается тематика Музея и его осмотров. И на очереди основной вопрос: каким путем представить основную экспозицию Музея при использовании иностранных языков для аудитории, мало владеющей последними?

Здесь очевидно мыслимы два случая: в зависимости от объема знания или незнания языка, либо основное объяснение ведем на русском языке, переводя отдельные слова и выражения на иностранный язык, либо (что практически гораздо реже) — мы строим основную речь на иностранном языке, — лишь поясняя менее обычные названия и термины — отечественным языком.

Из этих двух приемов объяснения, второй не представляет интереса, будучи лишь небольшим вариантом объяснений, проводимых на одном лишь иностранном языке; напротив — первый метод, наиболее обычный требует различных оговорок.

Прежде всего — в отношении **темпа** речи. Совершенно ясно, что беседуя обычным темпом, Вы — при параллельном пользовании двумя (а иногда и тремя!) языками, рискуете чрезмерно удлинить беседу, растянуть ее на несколько часов, что при несовершенном знании языков вашими слушателями будет для них явно не по силам. Основной принцип музейского осмотра, именно: «**не уставать!**» является и в данном случае глубоко обязательным.

Отсюда первое и основное требование: бойкая живая речь на русском и замедленная — при переходах к иностранным языкам. При пользовании последними необходима максимальная рельефность, четкость, выразительность произношения, что, впрочем, представляется тавтологией. Менее известны следующие приемы, хорошо проверенные многолетней практикой.

Во-первых, правило — психологическое: не снижайте в представлении самих учащихся их «эрудированность» в иностранных языках! Рискованное вообще — при классном опыте (и в жизни!) — это «завышение» реальных знаний в представлении учащихся на время пребывания их в Музее — методически весьма полезно, несравненно больше пробуждая инициативу в молодежи, чем при допущении обратного: при занижении Вашей оценки их знаний.

В основании этого несложного приема полагается общеизвестное психологическое правило, так называемой Психологической установки (*seelische Einstellung*), оттеняющее, как известно, все поступки или устремления людей.

Так, в данном случае — дело одно, когда, готовясь к слушанию беседы на малознакомом иностранном языке, учащиеся примирились с мыслью, что языка они не знают и едва ли что-нибудь поймут.

Другое дело, если лектор с самого начала попытается заверить молодежь, что знания их не так плохи, и что при должном отношении, внимании и старании — они и сами убедятся в этом на сегодняшнем осмотре.

До известной степени роль лектора таких экскурсий несколько напоминает роль врача, старающегося уверить своего пациента в том, что состояние его здоровья далеко не так плохо и гораздо лучше, чем то кажется больному.

Результат в обоих случаях один и тот же: и мало знакомый с языком, и «мало здоровый» с несравненно большим рвением отнесется к предлагаемым приемам обучения или лечения, чем если заверять их, что они субъекты — безнадежные и что лечить и обучать их можно только по формальным требованиям, но без особенной надежды на успех.

Не трудно видеть, что рекомендуемый прием обратен тем, которые употребляются при прохождении предметов в классе; этим доказывается лишний раз громадное различие преподавания в школьной и музейной обстановке: там — учеба, обязательная и не обязательно — занятая. Здесь — в музее — обязательно-занятая и увлекательная и совсем необязательная вообще.

Но возвратимся к упомянутому выше методу «внушения». Настраивая молодежь на положительный «мажорный» лад, внушая ей, что знания ее «почти достаточны», чтобы с двойкой пользой провести осмотр и для изучения проблемы Дарвинизма, и для совершенствования в знании иностранных языков, практически не следует, конечно, поддаваться самому этой «иллюзии» (весьма обычной, к сожалению, и в школьной практике) и думать, что реальные познания по иностранным языкам у молодежи и на самом деле велики. Совсем напротив, все дальнейшие старания лектора будут направлены на то, чтобы разрыв между реальным и «предполагаемым» знанием у молодежи не оказался слишком явным и обескураживающим.

Именно в этих целях хорошо оправдывается ряд следующих практических приемов.

1. Прибегание к коротким диалогам между лектором-экскурсоводом и отдельными учащимися (лучше всего — более знакомыми с иностранным языком) для привлечения всей группы к большей инициативе и активности.
2. Подчеркивание отдельных, менее обычных, но характерных для языка словесных форм и выражений, обязательно сопутствуя такие выражения оговоркой: постарайтесь хорошо запомнить! очень характерно! При случае верните это слово! Сразу расцветите фразу!
3. Даже в случае более редких слов, заведомо неизвестных аудитории, полезно делать вид, что слово это только «призабыто», что Вы только напомнили его! И только изредка и в случаях особо ярких «ляпсусов» (в смысле незнания простейших слов или зоологических названий) можно пожуричь, но тоже с добавлением, что отныне эта грубая ошибка, разумеется, не повторится.

Выражаясь коротко, при прохождении иностранных языков в Музее, нужно всячески и неуклонно избегать обычных «школьных» методов сухих опросов и формальных докторальных объяснений — и заботиться о том, чтобы все время чувствовалась полная непринужденность, простота общения лектора-экскурсовода и учащихся. И, наконец, — последнее и всеопределяющее правило, без соблюдения которого все предыдущие бесцельны и бесплодны:

Неизменно, в продолжении всей беседы лектора с учащимися (именно беседы, а не монолога!) молодежь должна осознавать и чувствовать, что лектор в равной мере увлекается и иностранным языком, и содержанием Музея, что удачно, ярко, не банально сконструированная фраза для него, в его работе с аудиторией, столь же ценна, как и хороший экспонат, картина или статуя, что независимо от содержания Музея, изучение его на иностранном языке должно преследовать двойную цель, двойную задачу: захватить внимание зрителя не только содержанием Музея, стройно-гармонически отображаемым в музейных образах, но одновременно посылить заронить влечение к иностранным языкам, любовь к словесным образам, к живому, выразительному слову.

Резюмируя все сказанное по вопросу об использовании иностранных языков в стенах Музея при занятиях с учащимися (не иностранцами!), возможно сформулировать наши итоги следующим образом:

А. В отношении музеев:

а. Упор на усваивание экспозиции Музея.

Крайняя полезность оптимального введения иностранных языков при проведении экскурсий, но не в форме замещения русского — иностранным (что возможно только в единичных случаях!), но спорадичным приведением цитат на иностранном языке, особенно при изложении проблем общекультурно-исторического содержания (из истории науки, биографии ученых, выдержек из писем, или сочинений, автоматомемориальных данных...).

б. Упор на усваивание иностранных языков.

Вполне уместен и желателен лишь при условии большого опыта и специальных навыков экскурсовода-лектора, поскольку самые методики преподавания языка в музее или в классной обстановке совершенно разные. Хороший педагог, работающий в классной обстановке с относительным успехом, может оказаться никуда негодным при занятиях в музее, требующих совершенно новых и особых методов преподавания.

И там, и здесь, как при занятиях с упором на **музейную экспонатуру**, так и при упоре на усваивание **иностранных языков** — использование последних несравненно более уместно для музеев — посвященных гуманитарным знаниям, чем естественно-научных.

Обеспечивая большее разнообразие тематики, чем то возможно в классной обстановке, вынесение изучения иностранных языков в стены музеев несравненно более оправдано в музеях исторических, художественных и мемориальных, чем в биологических, как более сложных по тематике, и по терминологии.

В. В отношении школьного преподавания.

«Больное» место нашей средней школы, издавна отмеченное общей и профессиональной прессой, — именно **плохая постановка изучения иностранных языков** — нигде не проверяется так просто и легко, как именно в музейных стенах. Очень показательно, что, когда пишущему эти строки приходилось при заканчивании своей лекции на тему о «Предшественниках Дарвина» касаться **Гете** с приведением цитат в оригинале, на вопрос, нуждаются ли молодые слушатели (ученики 9-х классов) в русском переводе приводимых выдержек из Гете, или может быть, они «учащиеся, уже достаточно усвоили язык Маркса и Гете, чтобы обойтись без перевода» — в качестве ответа раздавался неизменно общий хохот молодежи, в знак того, насколько оптимизм лектора, его надежда обойтись **без** перевода, принимается за шутку.

Эта скорбная по существу реакция и реплика, открытое сознание плохого знания учащимися иностранных языков — пробел, настолько ощутительный, что в изживании его должны принять живейшее участие все учреждения, имеющие отношение к умственной культуре.

В этом смысле **Дарвиновский Музей** считает своим долгом принимать впредь меры, чтобы и в дальнейшем стимулировать среди учащихся влечение и интерес к иностранным языкам.

И все же в интересах основной своей задачи — приобщения широких масс к основам Дарвинизма — комплексу проблем необычайной сложности и новизны для большей части молодежи — излагать эти проблемы на малознакомом молодежи иностранном языке (без применения вышеуказанных приемов, или оговорок), значило бы не преуспеть ни в языке, ни в Дарвинизме.

Допуская, что для большинства других музеев — бытовых, мемориальных, исторических, работа «на два фронта», параллельное знакомство с экспозицией и практика по иностранным языкам, скорее применима, следует признать, что основной задачей Дарвиновского Музея в отношении последних, может быть лишь **стимулирование** интереса к этим языкам, а не **практикование** в них.

Заканчивая настоящий очерк, посвященный важному и интересному вопросу об использовании музеев, как орудий или методов усовершенствования нашей молодежи в иностранных языках, уместно высказать еще одно соображение.

Как и во всяком деле, так и особенно в вопросах умственной культуры, первое необходимое условие успеха — проведение его достойным образом, т.е. возможность поручить его умелым, знающим и, что всего важнее, — любящим свою работу людям. Хорошо известно, что вне этого условия, прекрасные и многообещающие планы или начинания рискуют в лучшем случае остаться в положении «проектов».

В наивысшей степени это относится к проекту проведения экскурсий по музеям с объяснениями на иностранных языках для лиц, мало знакомых с этими последними.

Для всех музеев никогда не составляло тайны, что количество хороших лекторов- экскурсоводов вообще у нас невелико, а тех, которые бы хорошо владели языками — еще меньше.

Но также хорошо известно, что владение языками и умение преподавать их — не одно и то же.

Менее известно (или, говоря точнее: часто упускается из вида), что умение «преподавать» предмет и дар — стихийно заражать учащихся — самой «сухой» наукой — вещи, еще более различные, как то показывают единичные примеры виртуозов-педагогов стиля некогда известного в Москве Льва Поливанова (умевшего энтузиастично излагать славянскую грамматику), и академика **Шахматова**, уже родившегося «легендарным» мальчиком — филологом.

И всего менее известно, наконец, что техника или методика преподавания иностранных языков в музейной обстановке — абсолютно не изучена и даже более того: самый вопрос об этих методах еще не поднимался.

К этим трудностям в подборе требуемых кадров лекторов-руководителей должно прибавить трудности психологического свойства, неизбежные, когда занятия **факультативные** (музейные) приходится объединять с работой **обязательной** (по типу школьной) — изучением иностранных языков.

Всем практикам-экскурсоводам хорошо известно, что успех занятия в музеях в высшей степени зависит от **факультативности** их посещения, что достаточно порой бывает пары лиц, пришедших «по наряду» или «по приказу», чтобы в корне подорвать работу целой группы. Именно в музеях всякая попытка привнесения «нормативного» начала в восприятие даваемого материала — может оказаться губительной, поскольку общая психическая установка посетителя (особенно учащихся) в музейной обстановке и при нахождении их в классе — совершенно разная. В музее полная свобода воспринять даваемые знания, или — при малой привлекательности самого предмета или лектора — его отвергнуть. В школе — обязательное усвоение его при всяких методах и качествах преподавателя.

Это различие в самом подходе приобщения учащегося к знанию (в школе и в Музее) — нормативном в первом случае, факультативном — во втором, делает то, что при перенесении приемов школьного преподавания в Музей — музей рискует потерять все преимущество факультативного преподавания и, не достигнув привходящей цели (приобщения к иностранным языкам), рискует потерять и основную — познакомиться с содержанием экспонатуры.

Хорошо известно, что обычно школьные занятия по «языкам» не отличаются особой увлекательностью, в полное отличие от практики музеев, первая обязанность которых не «сушить» предмет, но захватить своего зрителя эмоционально, а не только познавательно-рассудочно.

Легко предвидеть, что коль скоро малоопытный преподаватель вздумает перенести свой «скучный» стиль преподавания иностранных языков в стены музея, применительно к музейной экспозиции — эта последняя рискует потерять в двояком отношении: и как орудие «лингвистики», и как музейное собрание.

Проще и определеннее:

Обычные для классного преподавания приемы приобщения учащихся к познанию иностранных языков — заведомо и в корне не годятся для музейных стен. В музее перед нами трудная дилемма: либо совершенно новые (отчасти приближающиеся к так называемым «Берлицким» приемам) методы преподнесения знания, либо — заведомый провал экскурсии не только в лингвистическом, но и в музейном отношении.

Но независимо от степени успешности (или вернее неуспешности) таких занятий — первым обязательным условием для суждения о ценности путей и методов внедрения иностранных языков в теорию и практику музейного показа — **был и остается метод изучения эффективности показа** с учетом личных отзывов, личных высказываний и свидетельств самих «потребителей» музея, отзывов самих учащихся о степени успешности, доходчивости объяснения, полностью или частично предлагаемого на иностранном языке.

Без обращения к таким проверочным, контрольным методам, без четкого выслушивания мнения самих участников экскурсий, самые детально разработанные планы и проекты методов преподавания иностранных языков в музеях — никогда не будут гарантированы от упрека в априорности и в доктринерстве.

В этом смысле мы позволим себе заключить наш очерк стихотворным отзывом о посещении Дарвиновского музея группой приволжских немцев, отзывом, не поддающимся желательному переводу, но глубоко поучительному, помимо заключающихся в нем неумеренных похвал по адресу музея и его руководителя.

14.VIII. Краснокутский С.Х. Техникум АССР Н.П. — II Курс семеноводов.

«Was von Herzen kommt, geht zu Herzen. Dies empfand unsere Gruppe Schüler & Lehrer aus Luxemburg beim begeisterten Vortrage des werten G. Kohts. Die Theorie Darwins hat hier einen Enthusisten, wie man ihn

besser nicht braucht. Es wurde zugleich russisch und deutsch vorgetragen aber keinen Augenblick langweilten wir uns.»

«Unseren herzlichsten Dank spreche ich hier im Namen u. Auftrage meiner Gruppe dem Museum und seinem Begründer aus.»

Ed. Hattenlocher.

Идущее от сердца — доходит до сердца. Это почувствовала группа учеников и преподавателей из Люксембурга во время воодушевленной лекции тов. Котс. Теория Дарвина имеет здесь энтузиаста, лучше которого не требуется. Лекция читалась одновременно по-немецки, и по-русски, но ни одного мгновения мы не чувствовали скуки.

От имени и по поручению моей группы я высказываю самую сердечную благодарность Музею и его основателю.

—
Эд. Хаттенлохер.

Museum von Darwin, dachten wir,
Wird uns nicht sehr viel geben,
Doch wissen wir es jetzt zu schätzen
Erst recht für's neue Leben!

Es ist uns heute klar geworden
Die grosse Lehre von Darwin,
Nur dank Professor Kohtsens Worten
Sitzt dieses Bild uns fest im Sinn!

Verstünden alle Menschen nur —
Wohl jede Nation —
Die «grosse Veränderung» in der Natur
Und liessen die Religion!

Vom Kapital wird heute noch
Verfolgt dieses Wissen,
Weil gegen Religion es kämpft:
des Kapitals Beschlüssen!

Dem Kapitalismus doch zu Trotz, —
Heut arbeitet unser Professor Kohts
An dieser Wissenschaft immer weiter, —
Für Sozialismus ein echter Streiter!!!

—
Im Namen meines Kursus

A. Stuckert.

Führer der Gruppe: Gosser.